

Говоря это, она принялась помогать мне снимать одежду. Я была вся во власти смутных грёз, и, увидев, что она подходит ко мне, на мгновение растерялась, смущённо пробормотав: «Как же так...» В то же время сама потянулась к её застёжкам. Она отшатнулась, нахмутив брови:

— Ли Второй, что ты делаешь?

Только тогда я опомнилась и покраснела до корней волос, запинаясь:

— Твоя... твоя одежда тоже мокрая, надо переодеться. — Мне стало неловко, я опустила голову и засуетилась со своим платьем:

— Давай лучше каждый переоденется сам. — Стремительно сбросив верхнюю одежду, я замерла с раскинутыми руками в ожидании помощи — и тут же осознала: обычно служанки подавали мне чистые вещи, но сейчас рядом никого не было. Я даже не знала, где лежит смена, а уже стояла перед любимой почти обнажённой, лишь в нижней рубашке.

От стыда по мне разлился жар. Я то прикрывала грудь, то плечи, то, заметив, что ноги полностью открыты, согнулась, пытаясь укрыть бёдра. Украдкой взглянула на Вэй Хуань: та застыла на месте, вытянув руки, будто собиралась помочь мне одеться, но сама пребывала в полном смятении. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, лицо пылало. Увидев мой взгляд, она приоткрыла рот, словно хотела что-то сказать, но не издала ни звука.

Так мы и стояли — молча, лицом к лицу, одна выпрямившись, другая сгорбившись, — пока я не чихнула. Вэй Хуань вздрогнула, будто очнувшись:

— Я принесу тебе одежду. — Она рванула за ширму, но, не заметив пустого таза, задела его ногой. Тот с грохотом опрокинулся. Снаружи встревоженно спросили:

— Госпожа Вэй?

— Ничего! — громко ответила я, опасаясь, что кто-то войдёт, и тоже бросилась за ширму. В спешке я врезалась в Вэй Хуань. Та с покрасневшим лицом упрекнула:

— Неуклюжая.

Я неверно истолковала её слова и уставилась на неё:

— Я... не это имела в виду.

Её лицо залилось краской ещё сильнее. Она опустила голову и рванула внутрь, но, сделав шаг, снова наткнулась на ширму. Раздражённо топнув ногой, она с силой толкнула створку. Лёгкая перегородка поддалась, съехав в сторону. Вэй Хуань вбежала внутрь, схватила одежду и швырнула её мне:

— Быстрее одевайся!

Я покорно принялась натягивать платье, но, повозившись, обнаружила, что взяла две короткие кофты. Робко позвала:

— А-Хуань...

Она, не поднимая головы, раздражённо бросила:

— Что? — Услышав: «Ты дала не ту одежду», — подняла глаза. Только что улёгшийся румянец

вновь залил её лицо, на лбу выступил пот. Она выхватила одежду из моих рук, засеменила внутрь, где долго копошилась, а затем выбежала и сунула мне новую свёрток.

Её суета, наоборот, немного успокоила меня. Я заподозрила, что причина её волнения кроется в чём-то ином, и, прижимая к себе одеяние, не спешила надевать его. Снова позвала:

— А-Хуань.

Она ответила грубовато:

— Что ещё?

Мысль о том, что я собираюсь сделать, заставила меня задрожать. Но это был поистине уникальный шанс. Не испытать его — и я буду мучиться много дней подряд. После недолгого колебания эгоизм взял верх. Я сделала шаг к ней:

— А-Хуань, я не могу одеться... Поможешь мне?

Она вздрогнула, мельком взглянула на меня и быстро опустила глаза:

— Ты же обычно не любишь, когда я помогаю тебе одеваться.

Я приблизилась ещё на шаг и тихо молвила:

— Но сейчас кроме тебя никого нет.

Она сделала вид, что собирается позвать служанку, но я ухватила её за рукав:

— Мне очень холодно. Пока кого-нибудь приведёшь, я успею простудиться. Что тогда?

Она посмотрела на меня. Я кстати чихнула. Вэй Хуань с раздражением проворчала:

— Неженка! — Но всё же подошла, взяла верхнюю одежду и стала натягивать на меня. Едва её пальцы коснулись моей кожи, она дёрнулась, будто обожглась. Лицо её покраснело так, будто вот-вот хлынет кровь.

Я пристально смотрела на неё, на её испуганные, смущённые глаза. Она не могла выдержать моего взгляда, и, чем дольше я смотрела, тем сильнее отворачивалась. Когда отворачиваться стало некуда, она пробормотала:

— Одевайся нормально, к чему этот взгляд? Я ведь тебя в последнее время не обижала.

Я сказала:

— А-Хуань, ты ведь тоже меня любишь, правда?

Она вся затрепетала, не поворачиваясь, ответила:

— Конечно, люблю. Такую красивую и милую девушку, как ты, кто во дворце не любит?

Я ничего не сказала, просто раскрыла объятия и крепко прижала её к себе. Её тело застыло от напряжения. Она попыталась оттолкнуть меня, но, коснувшись моей груди, замерла. Дыхание её участилось, глаза покраснели. Мне ужасно хотелось поцеловать её, но, подумав, я лишь ослабила объятия и прошептала так тихо, будто комар жужжал:

— А-Хуань, я тоже тебя люблю. Очень-очень сильно.

Авторское примечание:

Вэй Хуань: «Я тоже тебя люблю? „Тоже“?» (внутренне ликует)

Тайпин: «Ну, отец меня любит, матушка меня любит, ты меня любишь, все меня любят».

Вэй Хуань: «...Убить тебя мало, самовлюблённая».

Я поцеловала её — глубоко, надолго. До этого у меня не было ни малейшего опыта в подобном. Иногда, мечтая о таком поцелуе, я боялась, что из-за неискренности попаду в смешное положение. Но когда наши губы встретились, я поняла: некоторые вещи даны от природы. Они не требуют подготовки или репетиций, подобно врождённому инстинкту.

Не стану описывать, насколько сладок был этот поцелуй. Чувства, что он пробудил, превосходили всё, что можно передать словами. Не буду расписывать мягкость её губ, влажность языка, прелесть её тела. В любой иной момент я бы с радостью посвятила этому тысячи строк, но сейчас мне лишь хотелось держать её в объятиях и... целовать.

Мы целовались от заката до глубокой ночи. Слуги несколько раз окликали нас из-за двери, и мы нехотя размыкали губы. Но даже в эти краткие мгновения разлуки наши руки не расставались.

Когда служанки принесли воду, мы снова остались наедине, помогая друг другу умыться и обтереться.

К тому времени, как мы закончили, её волосы уже почти высохли, и отдельные пряди завитками обвились вокруг шеи. Я усадила её перед зеркалом и принялась распутывать локоны за локоном. Она сидела безмолвно, уставившись на моё отражение, но, стоило мне встретиться с ней взглядом, тут же отворачивалась, делая вид, что вовсе не смотрела.

Мы тихо просидели так некоторое время. Казалось, ей хотелось многое сказать, но она не решалась начать. У меня тоже роились мысли, но, поразмыслив, я лишь спросила:

— А-Хуань, ты хочешь... стать моей подружкой?

Она знала, что у меня часто бывают странные идеи. Спокойно посмотрела на меня:

— Подруга — это не то же самое, что просто друг?

Я кивнула, присела рядом и уставилась на наше отражение. Медное зеркало сгладило черты, и мы выглядели уже не полувзрослыми девочками, а зрелыми женщинами. Я взяла её руку, приникла головой к её плечу, не отрывая глаз от зеркала:

— Друзей может быть много, а подруга — только одна. Многое можно делать лишь с подружкой, а не с другими. Многое можно сказать лишь подружке, а не кому иному. Подруга — это как бы будущая невеста, пока мы не станем старше и взрослее... Ты хочешь стать моей подружкой?

Она нерешительно положила руку мне на голову и, помолчав, тихо спросила:

— А ты хочешь стать моей подружкой?

Я тут же закивала:

— Хочу, конечно хочу.

Она улыбнулась. Левая рука её лежала у меня на голове, теперь и правая коснулась моей щеки, лёгкое прикосновение:

— Тогда и я хочу.

В её глазах светилась улыбка — яркая, ослепительнее полуденного солнца. На щеках проступили ямочки, тоже сияющие, словно луна в утренних сумерках. Брови её были изогнуты, от природы тонкие, словно ивовые прутьики. Ресницы тоже изгибались, трепеща в воздухе, будто танцуя, когда она моргала.

В порыве восторга я обняла её, прильнула губами к щеке, потом к шее, затем снова к щеке. Она, смеясь, отстранила меня:

— Ты что, собачка? Так любишь кусаться?

Я рассмеялась:

— Если бы ты меня вырастила, я бы с радостью стала собачкой. Но ты же собак не держишь.

<http://bllate.org/book/16278/1466647>